

Лука отказался исполнить требование султана, был вытребован с семьей к нему и после вторичного отказа обезглавлен.

Неожиданное, вне связи с остальным, упоминание в нашей повести об Исидоре («гординал Исидор... одежи перемене не знаем бысть, на триста сребрьник искупися») также ведет нас к мемуарам Дуки, который, как приверженец унии, не раз о нем упоминает.¹

Следует также отметить еще подробности нашего текста, сближающие его с письмом Леонарда Хиосского.² В тексте говорится, что когда Джустиньяни, уходя, приказал отворить ворота, ведущие наружу, турки навалились на греков, бывших между стенами, греки побежали. Только двое нашлось храбрых людей, которые упорно продолжали биться с турками. Это были, по словам текста, грек Феофил Палеолог и «далмат именем Слав», которые и погибли в бою. Эти имена известны нам и из письма Леонарда Хиосского.³

Конечно, и Леонард не раз говорит в своем письме о Джустиньяни, причем о ранении его он говорит настолько близко к русскому тексту, что оба невольно напрашиваются на сопоставление.

Так же как и русский текст, Леонард один только из современников знает об удалении Джустиньяни на о. Хиос и (на этот раз — согласно и с Франтцей) о его смерти.⁴

Точки соприкосновения между русским текстом и Леонардом дают также подробности о кир Луке (у Леонарда — Chirluca).⁵

На основании сопоставлений иноземных текстов с русским можно попытаться представить себе хотя бы приблизительно тот греческий оригинал, с которого делался русский перевод. Он не производит впечатления записи очевидца или близкого к событиям лица; рассказ носит отрывочный характер. Это, скорее, ряд отдельных эпизодов, нежели последовательное изложение перипетий осады, может быть, извлечение из чего-то более полного. Тем не менее рассказ дает несколько дополнений к тому, что мы узнаем из хронографической повести. Но предполагать, чтобы русский текст представлял извлечение, сделанное на русской почве и в интересах дополнения текста хронографического, оснований нет. Наш рассказ составляет особенность редакции Хронографа, не деленного на главы, идущей от редакции 1520 года. А в ней, как и в дошедших до нас текстах Хронографа, не деленного на главы, большой (хронографической) повести нет и не было; кроме того, нашей повести в русском переводе, но в более обширном виде нам не известно. Отсюда делаем вероятное заключение, что греческий оригинал краткой повести существовал в том же объеме,

¹ По словам Дуки, Исидор — кардинал, легат в Польше, бывший архиепископом России — в ноябре 1452 г. явился из Рима в Константинополь (в результате обращения царя Константина за помощью к папе), торжественно был принят царем, возобновил было переговоры об унии, но наткнулся на резкое противодействие со стороны греческого духовенства и народных масс, руководимых Григорием Схоларием (позднее патриархом Геннадием), и должен был пережить осаду и взятие Константинополя. Наш текст, кажется, дополняет сообщения Дуки.

² Леонард Хиосский написал письмо о разорении Царьграда к папе Николаю V 16 августа 1453 г., т. е. спустя два с половиной месяца после падения города; он был близок к жителям Константинополя (он их часто называет *postrì*, хотя едва ли был грек). Письмо, повидимому, вскоре уже получило широкое распространение, может быть, даже переводилось и на греческий (нам известен его итальянский перевод, греческого перевода нам не известно). Оно впервые напечатано было в 1578 году (Франкфурт). Текстом Леонарда пользуясь по перепечатке его в приложении к статье И. И. Срезневского «Повесть о Царьграде» (стр. 50—68).

³ На это указал кратко уже А. Н. Попов (Изборник..., стр. 90, прим.).

⁴ И. И. Срезневский. Повесть о Царьграде, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 68—69.